

П Р О З А

Семен Глинский

МНЕ СНИТСЯ, ЧТО Я ОПАЗДЫВАЮ НА РАБОТУ

р а с с к а з

Повздорили, как и обычно, ~~их~~ за какого-то пустяка. Полыхнув случайным огнем, ссора быстро угасла. Но жена еще на что-то надеялась. Очевидно, верила, что к ней придет второе дыхание. Ворошила старое, пытаюсь вдохнуть жизнь в злые красные звездочки, погребенные под слоем ~~старого~~ пепла. Охалками подбрасывала всякую дрянь, мусор — мелкие обиды свои, но топливо это некудышное — слишком сырое... от едкого дыма у нее слезились глаза, а больше не было никакого проку.

А уж как хотелось ей запалить большущий костер, в котором бы сгорели дотла и нищета треклятая, и старый дом наш вместе с соседями, ну и я, конечно, в первую голову.

Я не стал дожидаться, когда к жене вернется молодой задор. Дожевал безвкусный ужин и ушел, громко хлопнув дверью.

Последнее воспоминанье о доме. Моргая близорукими выпуклыми глазами, серым совенком хохлится в углу кухни моя дочь.

Улиша не проявила ко мне интереса. Зевала широко разинутой аркой... готовилась отойти ко сну — завтра рано вставать.

Дождичек нудный сеялся. Я забыл взять зонтик, но не возвращаться же за ним. Укрывшись в телефонной будке, я прикидывал, что делать мне со своей свободой. К Вовчику еще рано — народ соберется у него ~~в~~ не раньше полуночи. И тут я увидел ее. Хромоножку.

"Вот оно, — подумал я, — судьба посылает мне приключение."

Опираясь на костыли, Хромоножка моя между ~~шорохами~~ тем приближалась ко мне — огромными шагами, хотя и очень медленно, перемещая части своего тела во всех возможных направлениях... Лицо ее, освещенное косым светом ртутного фонаря, я имел возможность рассмотреть достаточно хорошо... Оно было лишено каких-то запоминающихся черт, но ~~д~~ одна существенная особенность сразу бросилась мне в глаза... по контрасту с мучительным и беспорядочным мельтешением рук, ног, костылей лицо ее оставалось внутренне совершенно неподвижным и напоминало гипсовую маску.

Улита моя неспешно поползла, наконец, до телефонной будки и остановилась, тяжело дыша. Через забрызганное дождем и грязью стекло она смотрела на меня удивленно и недоверчиво,

будто я был каким-то диковинным животным, выставленным на всеобщее обозрение. Гигантской лягушкой. Или прилипалой. Или еще каким-то пресмыкающимся. Я, а не она. Мне почему-то расхотелось вступать с ней в беседу, знакомиться, заводить интрижку... Но неожиданно она сама обратилась ко мне:

— Молодой человек, вы не поможете мне открыть дверь?

Я пробормотал что-то лихорадочно соображая, что это за дверь такая, и что меня за ней ждет... Прикурив сигарету от зажженной мною спички, она пояснила:

— Я нечаянно захлопнула дверь квартиры. А ключи остались внутри. Со мной это часто случается. Обычно/ я прошу кого-нибудь из мальчишек, и они влезает в окно. Это нетрудно. Я живу на первом этаже. Но сегодня мне не повезло — ни один мальчишка не попался мне навстречу.

Я так и не сумел подстроиться под ее шаг, убегал вперед, останавливался, поджидая калеку... Оказалось, что она живет совсем рядом — через два дома от моего, — и это было гораздо ближе, чем мне бы того хотелось... не хватало только напороться на кого-нибудь из моих соседей... Темно, правда, очень было... Мы свернули во двор — ни один фонарь здесь не горел... Одно из окон ее маленькой квартирки выходило очень удобно — в крошечный садик... здесь за сырыми кустами, уже почти полностью облетевшими, укрылась деревянная скамеечка... чистенький скверик — полтора метра на полтора — был посыпан скрипучим красноватым песком... какие-то осенние цветы, одиноко торчавшие из клумбы, испускали тонкий, вялый аромат, который подмешивался к густому запаху гниющей листвы... Я не сразу разобрался, что где кончается и во что переходит... капли света, слабо сочившегося из зашторенного окна соседней квартиры, стекали по голым прутьям на землю, — скверик, скамеечка, клумба были едва обозначены... Не разглядев, я с размаху вступил на клумбу — нога вдруг провалилась во что-то мягкое... как, должно быть, сжалось в этот миг сердце бедной Хромоножки, впус-тившей меня в самое заветное — в свой садик...

Дом, у которого мы стояли, как и тот, в котором жил я, был с высоким первым этажом... под каждым окном нечто вроде балкончика, на котором умещался только узкий ящик для цветов... Стараясь не опрокинуть на себя ящик, доверху заполненный зем-

лей, я не без труда влез на балкончик-подоконник, толкнул форточку — она была не заперта, — нащупал шпингалет и открыл окно. Спрыгнув на пол, я столкнулся в темноте со стулом, стукнулся коленом об какой-то острый угол и, чертыхаясь и прихрамывая, достиг, наконец, прихожей...

Хромоножка, стуча костылями, уже поднималась по лестнице...

Мне бы сразу удрать, пока она еще оставалась за дверью, но я упустил момент, — и вот я уже ее пленник... Она заполнила собой всю прихожую, вытеснив меня в комнату... Потом переместилась на кухню, но и оттуда следила за мной через прорубленное в стене окно... Постоянно роняя что-то со звоном в мойку и на пол, она сварила кофе и подала в окошко две дымящиеся чашечки... Верхний свет она не решилась включить, ограничившись ночником, но уютнее от этого не стало... Я недоумевал, как вообще можно тут жить... Комната была буквально забита мебелью.. Столы, серванты, шкафы угрожающе надвинулись на меня бесчисленными своими углами...

Мне еще повезло, что я повредил пока только одно колено... Забившись в угол дивана, я молча тянул обжигающий напиток... Заметив, что я к чему-то принохиваюсь, она спросила с тревогой:

— Плохо пахнет?

Я что-то пробурчал в ответ, не мог же я ей объяснить, что запах для меня имеет огромное значение. С кофе-то как раз все было в порядке — умиротворяющий аромат, самую малость отдающий горелым. Беспокоило отсутствие других домашних запахов: жареной картошки, например, как в моем доме, или лекарств, которыми провоняла квартира моей матери. Мне даже показалось, что никто в этой комнате постоянно не живет, и Хромоножка здесь такой же нечаянный гость, как и я. Она, очевидно, часто проветривала свое жилище. Хотя она много курила, пепельницы, расставленные повсюду — на столах, стульях и прямо на полу, не были забиты окурками. В комнате настоялся свежий запах осени. Я всё пытался выделить полутона, но так и не смог ощутить привкус морской тины или лягушачьего болота. Совсем близко она сидела, но до моего чуткого носа не долетали никакие специфические испарения женского тела...

Я и думать боялся о том, что между нами вскоре должно

было произойти... Это там, в телефонной будке. Хорошо было воображать, как овладею я Хромоножкой, как набирая постепенно обороты, заработает любовная машина... Зубчик в выемку, в ямку шпенек — быстрее, быстрее... Зазвучит чудесная мелодия, немного механическая, в духе шарманок, как и движения, и речь: "... люблю лю...люб — лю...", — играй шарманщик, играй, — ку-колка-то как славно танцует: на раз-два-три-четыре... ручка — вверх, ножка — в сторону, плечико — влево, бедрышко — вправо... Там, в будке, у меня даже челюсть свело от желания... Здесь, на диване, онемели губы и язык, но уже от страха.

Она постелила нам на диване, вынув из шкафа до хруста накрахмаленные белоснежные простыни... Я разделся и отважно, словно в прорубь, нырнул в ледяную постель... Тело мое быстро остывало, а я погружался в спасительный сон, слушая, как она шелестит сочленениями... Выключив свет, что-то она с собой делала, — отстегивала, снимала...

Всё произошло еще ужасней, чем можно было предположить... Гигантская сколопендра вдруг упала на меня сверху, придавив к дивану... Извивалась на мне, терлась со скрипом хитиновым покровом об мою кожу... Тербила мои члены, гладила меня, щекоча мохнатыми лапками... Затем всосала всего в себя, давась и захлебываясь, чмокала гадко... Выпила в конце концов кровь мою и костный мозг, — и всё, всё...

Отлетевшая моя душа трудно возвращалась в оболочку. Я очнулся, но страшное видение не пропало совсем, а уменьшилось в размерах. стало осязаемей, понятней, но от этого еще гаже. Насытившись, мохноножка отвалилась и спала теперь в широкой щели между диваном и стеной, — только вздутое круглое пузцо, не уместившись, торчало наружу, да еще пара тонких лапок, которые она и во сне тянула ко мне.

Я осторожно сполз с дивана, влез в рубашку и брюки... Держа в руках ботинки и пиджак, на цыпочках прошел в прихожую и попытался открыть дверь. Крутил защелку так и этак, но она не поддавалась, — очевидно, дверь была закрыта на ключ. Оставалось еще окно... Что ж, путь этот был мне уже знаком. Не раздумывая, я вскочил с разбегу на подоконник, толкнул раму и спрыгнул вниз... Снова колено прострелила острая боль, что-то подо мной хрустнуло... К счастью, это была не нога, а ска-

меечка в саду у Хромоножки...

"К Вовчику, — скомандовал я себе. — И как можно скорей."

Те же самые это были сутки или другие, но ночь пока не кончилась. Еще поднимаясь по лестнице, я наткнулся на трех игроков в "шмен" ... Небритые одутловатые рожи двух из них были мне хорошо знакомы... Привалившись толстыми задами к батаре, они глаз не спускали с третьего, который в этот момент "заряжал". ... Он стоял ко мне спиной, но приглядевшись, я определил его по ушам, всегда грязным и мятым, как купюра, которую он сжимал в пухлом кулаке... Не оборачиваясь, он дружески ткнул кулаком мне в живот... Я отшатнулся от него, как от прокаженного... Играть с ним в одну и ту же игру я никогда не стану, а руки ему не только я — никто не подает... Он к Вовчику следить приставлен и обо всех, кто сюда ходит, исправно доносит, за что и получает, — и там, и тут... Вовчик платит ему аккуратно, но на порог к себе не пускает... Я изо всех сил давил на кнопку звонка — длинный, три коротких, снова длинный, а Вовчик разглядывал меня изнутри, в глазок, и не торопился впускать... Я начинал уже терять терпение... может, система условных звонков изменилась? ... Давненько я уже здесь не был... Но вот заскрежетал отодвигаемый засов...

"Пить будешь? — вместо приветствия спросил Вовчик. — Остались только настойка боярышника, флакона четыре, кажется, и сок по-дорожника, тоже на спирту, но слабый... Одеколон уже весь выжрали", — добавил он извиняющимся тоном. От самого Вовчика разило "Шипром", как от извозчика, но я-то знал, что это лишь камуфляж, — спиртного он в рот не брал, — одеколон использовал лишь для бритья, да еще держал для гостей. Содержимое четырех маленьких флаконов я вытряхнул в один стакан... Жидкость цветом своим напоминала малиновое варенье и также пахла простудами, как малиновое варенье в далеком детстве. Попытался отыскать хоть корку какую засохшую — зажевать... Обшарил всю кухню — хлебницу, полку, подоконник... В холодильник заглядывать не стал, и без того ясно, что там царят те же затхлость и запустение, что и во всей квартире... В лучшем случае наткнешься на драный носок, оставленный кем-то из ночных гостей, нечистых не только на руку, но и на ногу... Можно, конечно, чем-нибудь занюхать... Например, Семеновым, потеющим

за шахматной доской... Флажок на его часах вот-вот упадет... У его партнера от напряжения жилы вздулись на лбу... Он все косится на кухонный нож, как бы случайно оставленный на столе. Расчетливые холодные убийцы... Терпеть не могу шахмат. Нет, занюхать тоже не удастся. Такой ядовитый газ вдруг начал вырабатывать желудок Семенова... несло, как из подвалов моего дома. Задержав дыхание, я выпил, и бросив стакан в мойку, направился в залу. По дороге заглянул в спальню. Здесь резались в "очко" на голой заднице, кем-то уже проигранной... Азартная игра шла, лихая... Карты сыпались со звоном, как пощечины... И здесь не стану я искать свой случай. Мимо, мимо...

Колесо уже завертелось... Металлический шарик запрыгал, пытаясь выскочить из бешено вращающегося круга, но, наконец, успокоился и медленно покатился в облюбованную лунку. И ничья злая воля не могла заставить его изменить принятое решение. "Господа, давайте ваши ставки", — кричал Вовчик. Чет гонялся за нечетом... Красное сменяло черное, как день и ночь... А я всё охотился за своим журавлем, недостижимым, словно небо. Оно мне недавно приснилось, это число — единственное и неповторимое. Не верю я ни в белую, ни в черную магию... Вовчик с его телекинезом мне просто смешон... От натуги у него глазные яблоки едва не выскакивают из орбит, но ни разу не удалось ему хоть на миллиметр подтолкнуть шарик в нужном направлении... Зато в сны я верю безоговорочно — столько уже всего сбылось.

Вовчик, посмеиваясь надо мной, увеличивал ставки. Я не отставал. Мне ведь тоже нужно было подвести его к той черте разумного риска, за которой ранее недозволенное становится вдруг возможным... Число мое сверкало вдали, как алмаз, но еще на подходах к нему начало везти мне необычайно. Там — во сне — из тумана и мелкие стеклышки поблескивали. Незначительные циферки-двойки и тройки, например, в серебристом ореоле такой же мелочи, — и я ставил на первую дюжину, — и она брала верх. Вовчик кусал губы до крови... "Ну-ну, — говорил ~~я~~ я тихонечко, — кусай, кусай, — скоро будешь жевать одни черные горбушки." Мы оба крупно поставили, и я снова выиграл. У Вовчика челюсть разом отвалилась, как тяжелый хлебный ломоть, с ходу отсаженный ножом от буханки. Оно приблизилось ко мне, таинственно и холодно светясь изнутри... И рулетка, и Вовчик, и мое

спокойное волнение окрасилось в утренние зеленые тона... Качнулось и поплыло, но я уже вошел в него и приспособился к изменчивой устойчивости... Всё вокруг начало медленно вращаться, как на детской карусели в самый первый миг упоительного бега... Теряя земную опору и надежду на быстрое возвращение, я успел выкрикнуть: "Ставлю на тридцать два..."

Прошло совсем немного времени... Кружение прекратилось, комната и предметы, находившиеся в ней, вновь застыли на своих местах... Я недоуменно вертел в руках свою расписку, очевидный и страшный смысл которой дошел до меня не сразу.... Оказывается, на свое число я поставил полтыщи рублей — на обрывке бумаги накарябал пятерку и два нуля и расписался дрожащей рукой... Из всей этой комбинации ноль один только и выскочил — голый, осклизлый, как банный обмылок...

На побледневшие щеки Вовчика вернулся румянец — опять заиграл на серой коже, ноздреватой, будто хлебный мякиш.

— Телекинез помог, — довольно хохотнул Вовчик, — а ты не верил. Он ведь действительно катился в "тридцать два"... Но не дополз... чуть-чуть... Я придержал его взглядом.

— Ага, телекинез, — зло сказал я. — А зачем ты каблуком по ножке стола стучал?

— Ну, ну, старик, не заводись, — отпарировал Вовчик. — Отыграешься. Какие твои годы?!

— Как же, — безнадежно махнул я рукой, — отыграюсь... Пятьсот рублей?

— Пятьсот не пятьсот, — уклончиво сказал Вовчик, убирая рулетку в ящик письменного стола. — Всё в руках Фортуны. А пока разоблачайся.

Я снял пиджак и совсем еще новые джинсы фирмы "Монтана"...

— Трусы снимать? — спросил я, обернувшись к Вовчику. — Арабские, между прочим...

— А это мы сейчас спросим у дам, — весело отозвался он.

Верка и Надька, близняшки-кудряшки, хихикая, уже заглядывали в дверь залы... полуголые — кого им тут было стесняться? — грудастые... Вовчик как-то приволок их из ближайшей парикмахерской — педикюр, массаж, — сделали всё, что он от них потребовал, а после так и остались у него... Может, просто Вовчик выгнать их забыл... Пока шла серьезная игра, боялись и

нос высунуть. Почувяв, что запахло жареным, вылезли теперь откуда-то. Из туалета или ванной. И еще народ набежал.

— Дверь закройте с той стороны, — попросил я. — Хватит цирк-то устраивать. Мне брюки нужны какие-нибудь. И куртка. До работы доехать.

— Какая работа? — покрутил пальцем у виска Вовчик. — Ночь на дворе. Ложись спать.

И он кинул мне старый спальный мешок, из дыр и распоровшихся швов которого клочьями вылезала грязная вата.

Утром Вовчик выдал мне белые солдатские кальсоны — вместо пуговиц к ним были пришиты завязки, снял с себя тельняшку, а из чулана достал отцовскую шинель, пропахшую мышами.

И вот я сижу в пустом автобусе, самом раннем, подпрыгиваю вместе с ним на каждой колдобине, а еще от холода трясусь и страха... вдруг меня увидит кто-нибудь из сослуживцев?

Автобус медленно объезжал лужи, одна за другой выплывающие из тумана. Дорога и вся земля вокруг изрыта воронками... можно подумать, что городок наш бомбил немец, но это свои постарались... Сколько тут вырыто котлованов, колодцев, канав... начато и брошено строек.

Наконец-то, моя остановка. Барак наш никуда не делся — стоит на прежнем месте, в центре огромного пустыря, рядом с бывшей городской свалкой... накренился только очень на левый бок... как десять, и двенадцать лет назад, из окон, позевывая, выглядывают старухи и кошки...

Чем ближе подхожу я к дому, тем гуще запах... не свалки, нет — мусор давно уже сюда не возят — старины... Какие замечательные вещи мы находили когда-то с мальчишками на свалке... А теперь тут рыщут коллекционеры, роются в старом хламе... Откопает такой чудак шишечку медную позеленевшую от кровати и радуется, как ребенок... "Эх, дядя, — думаю я тогда с жалостью, — впустить бы тебя в моё детство..."

Деревянные ступени скрипят подо мной, погрузневшим, а ведь было время — звонкой переговоркой пересчитывали шаги...

Мать, к счастью, вернулась уже с ночного дежурства... Ничему она не удивилась, — ни моему раннему визиту, ни тому, что я так странно одет... Налила стакан остывшего чая, слабо подкрашенного заваркой... Молча подвинула тарелку с нарезанным

кексом. Вынула из потертого кошелька мятую рублевку и равнодушно протянула мне.

Я снял с себя рванье, которое дал мне Вовчик, и надел свой старый костюм, институтский еще. Костюм, рубашка, галстуки, — все висело в шкафу, где и~~в~~ всегда. Пиджак немного жал под мышками, и брюки с трудом сошлись на животе, — а так нормально... Перед самым уходом вспомнил, что не поговорил с матерью... Старушка укатилась уже шерстяным клубочком в угол и стала не отличима от других мотков шерсти, разбросанной по всей комнате... больше всего ее скопилось в углу, где мать обычно вязала носки, сидя в кресле у окна.

Всё будет зависеть от того, кто сегодня стоит на проходной... Если старик — хана... Ни за что не пропустит — ни за какие коврижки... Других можно угворить, — только не старика... Он...при полном параде, при медали... Выскочил из своей будки, нетерпеливо постукивает правой укороченной ногой по металлической решетке... Меня поджидает. Интересно ему, что я врать стану...

План созрел мгновенно... Еще от автобусной остановки за мной увязалась "самокатчица"... Их теперь много пасется рядом с заводом... вьются у проходной, как мухи... Клей... специфический дурмящий запах — вот что их влечет...

Вся, целиком, уместилась на узкой доске... Сидит, подогнув под себя ноги... Сжалась, словно пружина... Изготовилась. Выступ будки наполовину скрыл ее от меня. Мне видны часть округлого бедра, туго обтянутого колготками, голое плечо и лопатка, остро выпирающая из-под белой майки... и что особенно смущает меня почему-то в женщинах... бугорки позвонков, добегающих по спине до тонкой шеи, в данном случае, не очень чистой, и темный коротко остриженный затылок. Я подмигиваю охраннику-лови, мол, подсоблю. Он нажимает ногой клавишу, освобождая вертушку... Я и "самокатчица" с ходу проскакиваем мимо старика. Он пытается ухватить девчонку за холку... какое там — она уже далеко... Два небольших колеса всего, а несутся, как угорелые...

И я бы так хотел, а пока вот стою... Не успел проскочить перед тепловозом — уже шагнул на путь и ногу занес над блестящим рельсом, но чумазый машинист, свесившись из окна, показал мне кулак... пришлось отступить перед грубой силой. От нечего

делать, читаю надписи, выведенные мелом на низких бортах железнодорожных платформ... Ни в одном из этих мест я никогда не бывал... Правда, однажды мелькнуло знакомое — Алыбашлы... Из-под намокшего брезента то рука серая высунется, то нога. На платформах железобетонные фигуры, аккуратно уложенные в штабеля... Еще не окончательно затвердевшие, хранящие тепло материнской утробы... Нет в них никакого особенного величия — пока не заняли свои места на пьедесталах...

Только этот состав везет не меньше тысячи штук. Лепят и лепят. Не успевают отгружать. Все склады ими завалены и заводской двор.

... Погромыхая на стрелках, тяжело груженный состав скрылся за заводскими корпусами, окутанными клубами пара...

Я поспешно огибаю статую командора, протягивающего мне свою тяжелую десницу. Вдогонку он грозно шевелит усами. Некогда, начальник, некогда... Вечером увидимся. У Анны. Там и поговорим обо всем. Не успев додумать эту мысль до конца, я оскальзываюсь на чьей-то лысине.

Падаю долго, будто во сне... Опять провал в памяти, глубокий, как колодец. ... Перед входом в цех опрокинули бидон с клеем. Тут не то что одной — десяти "самокатчицам" хватило бы нанюхаться до потери пульса... Влип я — нелепо... локтями и коленками... Со стороны смотреть, наверное, смешно, как я дрыгаюсь... а у меня слезы катятся из глаз — от обиды и жгучих испарений... Подо мной, словно зеркальное отображение, бьется такой же неудачник... все медленней и медленней... дернулся в последний раз и затих — отмучился... В остекленелых зрачках, впаянных в янтарную массу, застыло удивление — зачем я это сделал? Кажется, до последнего мига жила в бедняге уверенность, что это именно я столкнул его в клей... До сих пор не знаю, кто извлек меня из лужи и дотащил до моего кабинета. Может, без злого умысла, а может, в насмешку — приклеили к столу и стулу. Сунули под нос склянку с нашатырем и ушли, убедившись, что дыхание у меня ровное... живой, хотя и не вполне еще проснулся... Я, наконец-то, очухался ... С трудом разлепив веки, посмотрел на часы... Рабочий день кончился — все разошлись по домам... О моем существовании никто не вспомнил... к тому же завтра выходной день... раньше понедельника меня не обнаружат.

Руки и ноги у меня совершенно занемели, я их уже почти не чувствую... Ужасно чешется нос, но все мои попытки высвободить хотя бы одну руку ни к чему не приводят. Стол и разложенные на нем бумаги запорошило серой пылью... И моя одежда, волосы, кожа покрылись сероватым налетом... Это цемент. Он течет, как вода, просачиваясь через самые узкие щели.

Над моей головой громоздятся горы мешков и бочек... Потолок прогнулся и обрушится когда-нибудь... Тяжесть всех этих сотен тонн цемента я ощущаю на своих плечах... воротник рубашки, ставший вдруг жестким и тесным, сдавил шею... каменеют уши, оттопыриваясь с каждым часом все заметней...

Я превращаюсь в памятник.

§§§§§§§§